ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ

26-Й ПРЕЗИДЕНТ США В 1901—1909 ГОДАХ
ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА ЗА 1906 ГОД

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД
ПО ВОЕННО-МОРСКОЙ ИСТОРИИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

ВОЙНА НА МОРЕ 1812 ГОДА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ВО ВРЕМЕНА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Теодор Рузвельт
Война на море 1812 года. Противостояние Соединенных Штатов и Великобритании во времена Наполеоновских войн

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70225861
Война на море 1812 года. Противостояние Соединенных Штатов и Великобритании во времена Наполеоновских войн /Рузвельт Теодор, Пер. с англ. Е.А. Мордашева: Центрполиграф; Москва; 2024
ISBN 978-5-227-10441-0

Аннотация

Приступая к исследованию англо-американской войны на море 1812 года, 26-й президент США Теодор Рузвельт обращает внимание на довоенный политический и социальный климат в Великобритании и в Америке. Кроме того, он дает оценку состоянию армии и флота противников, отмечая неподготовленность Америки к войне. Анализируя сражения в Атлантическом океане и на озерах обеих Америк, Рузвельт сообщает сведения о кораблях – участниках войны, об их оснащении и вооружении, восхищается мастерством и храбростью военных моряков, обсуждает сильные и слабые

стороны противников. В своей работе Рузвельт использовал классические труды по истории Британии, американские официальные письма, вахтенные журналы, оригинальные контракты, письма капитанов, высших военачальников, офицеров и другие документы из архивов в Вашингтоне. В результате это исследование до сих пор считается одним из лучших в своей области. Книга снабжена схемами, поясняющими расстановку сил в морских сражениях.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие 7
Предисловие к третьему изданию 12
Глава I 29
Глава II 54
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Теодор Рузвельт
Война на море 1812 года. Противостояние Соединенных Штатов и Великобритании во времена Наполеоновских войн

THEODORE ROOSEVELT
THE NAVAL WAR OF 1812

OR THE HISTORY OF THE UNITED STATES NAVY DURING THE LAST WAR WITH GREAT BRITAIN

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

© Перевод, «Центрполиграф», 2024
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024

Предисловие

Историю военно-морских событий войны 1812 года рассматривали либо в связи с общим повествованием о противостоянии на суше и на море, либо как составную часть полного отчета о военно-морских силах двух стран. Появилось также несколько исследований, строго ограничивающихся военно-морскими событиями. Но ни одна из этих работ не может рассматриваться как дающая удовлетворительно полный или беспристрастный отчет о войне – некоторые из них носят «популярный» и приблизительный характер, а другие трактуют ее с полностью пристрастных позиций. Невозможно назвать одну книгу, которую современный читатель воспринял бы как честную по отношению к обеим сторонам или действительно рассказывающую историю целиком. Любой, кто особенно интересуется предметом, должен прочитать все, а после примирить многочисленные и весьма противоречивые утверждения, с которыми он столкнется, покажется практически безнадежной задачей.

По-видимому, есть три произведения, которые, взятые вместе, дают наилучшее представление по этому вопросу. Во-первых, «Военно-морская история Великобритании» Джеймса (которая содержит как материал, так и мнения практически каждого последовательного английского или канадского историка) дает британскую трактовку событий.

Это бесценная работа, написанная исчерпывающе и тщательно, с другой стороны, она представляет собой предвзятое одностороннее освещение вопроса недоброжелательным и не слишком щепетильным адептом. Во-вторых, ее частично дополняет «Военно-морская история Соединенных Штатов» Фенимора Купера. Работа дает американское представление о походах и сражениях, но авторитетностью значительно уступает труду Джеймса, как потому, что написана без особого внимания к точности, так и потому, что все цифры для американской стороны взяты из статистической «Истории ВМС США» лейтенанта (позже адмирала) Джорджа Эммонса, которая является третьей из рассматриваемых работ.

Но даже при сравнении этих трех авторов остаются необъясненными многие противоречия, и в таких случаях истину можно постичь только при внимательном изучении военно-морских «Записей», лондонских «Навал кроникл», «Найлз реджистер» и других подобных им документальных публикаций. Практически единственный хороший критический разбор боевых действий – тот, что между делом дан в классических работах по истории, посвященных другим темам, таких как «Морская артиллерия» лорда Говарда Дугласа и «Морские войны» адмирала Жюрьена де ла Гравьера. Большей части материалов в нашем военно-морском ведомстве вообще никогда не касалась рука исследователя. Короче говоря, никогда не было написано полной, точной и непредвзятой истории войны.

Предмет заслуживает более пристального изучения, нежели он получил. Люди начинают понимать, что для великой англоязычной республики было бы безрассудством полагаться для обороны на флот, состоящий частично из устаревших громадин, а частично из новых кораблей, еще более бесполезных, чем старые. Стоит внимательно изучить тот период нашей истории, когда наш флот находился на пике славы, а чтобы узнать что-либо из прошлого, необходимо, насколько это возможно, установить точную истину. Соответственно произведение должно быть написано беспристрастно. Ни на йоту не уменьшая моей преданности родной стране и флагу, я думаю, что история может быть написана именно так, чтобы гарантировать, что она будет воспринята как авторитет в равной степени американцами и англичанами. Я пытался написать такую работу. Невозможно, чтобы в нее не вкрались ошибки как фактические, так и интерпретационные, и, хотя я стремился придать ей как можно более беспристрастный характер, эти ошибки, скорее всего, будут в пользу американской стороны.

Поскольку моя единственная цель состоит в том, чтобы точно рассказать о событиях, я буду особенно польщен, если кто-нибудь предоставит мне средства для исправления подобных ошибок, и, если я поступил несправедливо по отношению к какому-либо командиру или офицеру любого ранга, будь то американский или британский, я буду считать себя в большом долгу перед теми, кто меня исправит.

Мне не удалось получить доступ к оригинальным донесениям британских командиров, вахтенным журналам британских кораблей или спискам личного состава их экипажей, и поэтому я был вынужден брать их из вторых рук из «Газетт» или «Навал кроникл» или каких-то классических трудов по истории. Тем не менее американские официальные письма, вахтенные журналы, оригинальные контракты, списки и т. д., хранящиеся в архивах в Вашингтоне, мне получить и просмотреть удалось, благодаря любезности достопочтенного У.Г. Ханта, министра военно-морского флота. Комплект писем от офицеров очень полный, в трех сериях: «Письма капитанов», «Письма высших военачальников» и «Письма офицеров», по несколько томов на каждый год. Книги контрактов содержат ценную информацию о размерах и конструкции некоторых судов. Бортовые журналы весьма возмутительны, часто крайне неполны. Так, когда я перешел от чрезвычайно расплывчатого официального письма Декейтера, описывающего захват «Македонского», к бортовому журналу фрегата «Соединенные Штаты», я не смог найти ни одного факта о бое. Последняя запись в журнале в день боя: «Обнаружен странный парус фрегата под английским флагом», а следующая запись (на следующий день) относится к вывозу пленных. Вахтенный журнал «Энтерпрайза» действительно очень полный большую часть времени, но в нем отсутствует период, в течение которого им командовал лейтенант Берроуз и когда он сражался с «Боксером».

Мне вообще не удалось найти журнал «Пикока», хотя есть чрезвычайно полный набор писем от его командира. Вероятно, много ценного материала уничтожил пожар 1837 года. Всякий раз, когда это было возможно, я отдавал предпочтение печатным материалам, а не рукописям, и поэтому в большинстве случаев с моими источниками можно легко ознакомиться. В заключение я хочу выразить искреннюю благодарность Джеймсу Д. Буллоху, капитану военно-морского флота Соединенных Штатов в отставке, и коммандеру Адольфу Менсингу военно-морского флота Германии в отставке, без чьих советов и сочувствия эта работа, вероятно, никогда не была бы написана или даже начата.

Нью-Йорк, 1882 год

Предисловие к третьему изданию

Первоначально я намеревался написать дополнительный том, посвященный операциям на суше. Но беглый осмотр показал, что эти операции вряд ли заслуживают серьезного изучения. Они не учат ничему новому, это старый, старый урок того, что скупая экономия в подготовке может повлечь за собой щедрые затраты людей и денег, которые, в конце концов, приходят слишком поздно, чтобы более чем частично компенсировать зло, вызванное первоначальной недальновидной бережливостью. На этом уроке стоило бы остановиться, если бы он имел хоть какое-то практическое значение для решения проблем современности, но его нет, когда дело касается армии. Со стороны Джефферсона и его последователя Мэдисона было преступной глупостью пренебречь тем, чтобы давать нам силы регулярных войск или хорошо обученных добровольцев в течение двенадцати лет, на протяжении которых они должны были подготовиться к борьбе, которая, как все могли видеть, была неизбежна, но сегодня потребность в армии гораздо меньше, чем тогда. С 1812 года обстоятельства сильно изменились. Вместо угасающего могущества Испании на наших южных границах мы имеем еще более слабую мощь Мексики. Во внутренних районах вместо великих индейских народов, способных сдерживать цивилизацию, сдерживать сильные армии, опустошать большие тер-

ритории и требующих огромных военных экспедиций для борьбы с ними, теперь остались лишь разрозненные и рассеянные отряды, которые не более чем источники раздражения. На севере мы все еще окружены канадскими владениями Великобритании, но с 1812 года наша сила настолько возросла, как в абсолютном, так и в относительном выражении, а военная мощь Англии осталась почти неизменной, поэтому теперь нам не нужно опасаться ее сухопутных войск, ибо, даже если бы нас остановили в начале, мы не могли бы не победить в конце одним лишь численным превосходством, если не чем иным. Так что теперь нам незачем содержать большую армию, тогда как, напротив, необходимость боеспособного флота настолько очевидна, что только наша почти невероятная близорукость мешает нам немедленно подготовить его.

Мало того, что события сухопутной войны почти не учат постигающего историю государственного деятеля избегать в настоящем ошибок прошлого, но, кроме того, сражения и походы мало интересуют изучающего военное дело. Британские регулярные войска, обученные во многих войнах, били противостоявших им новобранцев всякий раз, когда у них был хоть какой-то шанс, но в этом нет ничего удивительного, ибо одно и то же всегда происходило во всем мире при сходных условиях. Наши поражения были именно такими, какие мог предвидеть любой человек, и нет ничего удивительного в глупостях, совершенных некомпетентными командирами

и необученными войсками в противостоянии с опытными офицерами, имеющими в подчинении дисциплинированных солдат. Унизительные капитуляции, неудачные атаки и паническое бегство наших армий можно сравнить с кампаниями наполеоновских маршалов против испанцев и португальцев в годы, непосредственно предшествовавшие началу нашей войны. Пиренейские войска были так же мало способны противостоять французским ветеранам, как наше ополчение не могло противостоять британским регулярным войскам. Но следует всегда помнить, к нашей чести, что, в то время как семь лет боев не смогли сделать испанцев способными противостоять французам[1], два года войны дали нам солдат, способных противостоять лучшим военным Британии. На северной границе у нас так и не появился великий генерал – притязание на этот титул Брауна основано лишь на том, что он не совершал феноменальных безумств своих предшественников, – но к 1814 году наши солдаты закалились, и у нас появилось несколько хороших командиров бригад, в особенности Скотт, так что в том году мы играли с британцами на равных. Но сражения, хотя и отмеченные такой же кровопролитной и упорной борьбой, как и прежде, велись между небольшими отрядами и не отмечены какими-либо

[1] В заключительном сражении при Тулузе, которое произошло между союзниками и французами, бегство испанцев было настолько быстрым и всеобщим, что вызвало у герцога Веллингтона горькое замечание, что «хотя он и повидал в жизни немало замечательного, но тут он впервые увидел, как десять тысяч человек бегут наперегонки».

полководческими подвигами, так что они не представляют особого интереса для историка. На самом деле единственный действительно достойный внимания ратный подвиг войны произошел в Новом Орлеане, и единственным военным гением, выросшим в этой борьбе, был Эндрю Джексон. Его деяния достойны всяческих похвал, а битва, которую он выиграл, была во многих отношениях настолько своеобразной, что заслуживает гораздо более пристального изучения, чем она удостоилась до сих пор. Это было, безусловно, самое заметное событие войны, это была победа, оказавшая высокую честь полководцу и одержавшим ее солдатам, и в своем роде она была столь же выдающейся, как любое из великих сражений, происходивших примерно в то же время в Европе. Поскольку дело обстоит именно так, я посвятил ее рассмотрению последнюю главу, после глав, посвященных военно-морским операциям.

Как уже было сказано, другие кампании на суше не заслуживают особого внимания, но, чтобы сделать отчет о битве при Новом Орлеане более понятным, я дам беглый очерк основных сражений, которые произошли в других местах.

Война началась в середине лета 1812 года кампанией генерала Халла на границе с Мичиганом. С двумя или тремя тысячами неопытных солдат он вторгся в Канаду. Примерно в то же время форт Макино был сдан гарнизоном из 60 американцев британским и индийским силам численностью 600 человек. Кампания Халла с самого начала была неудач-

ной. Около Браунстауна американский полковник Ван Хорн с примерно 200 солдатами попал в засаду и был разбит Текумсе и его индейцами. В отместку полковник Миллер с 600 американцами в Магуаге атаковал 150 британцев и канадцев под командованием капитана Мьюира и 250 индейцев под командованием Текумсе и побил их: индейцы Текумсе держались дольше всех. Американцы потеряли 75 человек, их противники – 180 человек. В Чикаго небольшой отряд из 66 американцев был застигнут врасплох и уничтожен индейцами. Тем временем британский командующий генерал Брок выступил против Халла с быстротой и решимостью, которые, казалось, парализовали его дряхлого и нерешительного противника. Последний отступил в Детройт, где, не нанеся ни единого удара, сдал 1400 человек почти равным силам Брока, которые почти наполовину состояли из индейцев под командованием Текумсе. На границе с Ниагарой уважаемый и честный пожилой джентльмен и достойный гражданин, ничего не смысливший в военном деле, генерал ван Ренсселер попытался перейти границу и напасть на британцев в Квинстауне, 1100 американцев переправились и почти все были убиты или взяты в плен почти равным числом британцев, канадцев и индейцев, в то время как с противоположной стороны большое количество их соотечественников смотрело на них и с подлой трусостью отказывалось перейти им на помощь. Затем командование армией было передано нелепому персонажу по имени Смайт, который издавал настоль-

ко напыщенные прокламации, что они действительно должны были исходить из нездорового ума, а затем предпринял смехотворно безуспешную попытку вторжения, которая провалилась практически сама. Британские и канадские силы численностью менее 400 человек были отбиты при штурме Огденсбурга после небольшой стычки примерно 1000 американцев под командованием Брауна, и с этим пустяковым успехом военные операции года подошли к концу.

В начале 1813 года Огденсбург снова подвергся нападению, на этот раз от 500 до 600 британцев, которые взяли его после ожесточенного сопротивления примерно 300 ополченцев, англичане потеряли 60, а американцы 20 убитыми и ранеными. Тем временем генерал Харрисон начал кампанию на Северо-Западе. Во Френчтауне, на реке Рейзин, командование Винчестера из примерно 900 солдат Западного фронта были застигнуты врасплох отрядом в 1100 человек, половина из которых были индейцами, под командованием британского полковника Проктора. Правая дивизия, застигнутая врасплох, тотчас сдалась, левая дивизия, состоявшая в основном из кентуккийских стрелков и прочно засевшая в домах и окруженных частоколом укреплениях, оказала упорное сопротивление и сдалась только после кровопролитного боя, в котором было убито или ранено 180 британцев и примерно вдвое меньше индейцев. Было убито более 300 американцев, некоторые в бою, но большинство в последовавшей за ним кровавой резне. После этого генерал Харрисон с при-

мерно 1100 человек отправился в лагерь в форте Мейгс, где его осадили 1000 британцев и канадцев под командованием Проктора и 1200 индейцев под командованием Текумсе. Отряд из 1200 ополченцев Кентукки выдвинулся ему на помощь и попытался пробиться в форт, пока гарнизон совершал вылазку. Вылазка была довольно успешной, но кентуккийцы были рассеяны британскими регулярными войсками на открытой местности, как мякина, а когда их разбили, индейцы в лесу разрубили их на куски. Почти две трети пришедших на помощь солдат были убиты или взяты в плен, около 400 человек попали в форт. Вскоре после этого Проктор отказался от осады. Форт Стефенсон с гарнизоном майора Крогана из 160 человек подвергся нападению отряда из 391 военнослужащих британской регулярной армии, которые попытались взять его штурмом, но были отбиты, потеряв четверть людей. Около четырех тысяч индейцев присоединились к Проктору, но большинство из них покинули его после победы Перри на озере Эри. Затем Харрисон, получив большое подкрепление, вторгся в Канаду. На реке Темс его армия из 3500 человек вступила в бой и разбила от 600 до 700 британцев под командованием Проктора и около 1000 индейцев под командованием Текумсе. Битва была немедленно решена атакой кентуккийских конных стрелков, которые прорвали регулярные войска, зашли им в тыл и захватили их в плен, а затем, спешившись, атаковали фланг индейцев, также атакованных пехотой. Проктор вырвался из рук,

а Текумсе погиб, сражаясь как герой, каковым он был. Это сражение завершило кампанию на Северо-Западе. В этом отношении следует помнить, что война со стороны американцев велась главным образом против индейцев, последние всегда составляли более половины британских войск. Многие из остальных были французскими канадцами, а остальные были солдатами регулярной армии. Американские армии, напротив, состояли из вооруженных поселенцев Кентукки и Огайо, урожденных американцев с английской речью и кровью, сражавшихся за земли, которые должны были стать наследием их детей. На Западе война была лишь заключительным актом борьбы, которую в течение многих лет вели выносливые и мятежные первопроходцы нашей расы, когда они ружьем и топором творили могучую империю, которую унаследовали мы, их дети, это было лишь последнее усилие, которым они вырвали у индейских землевладельцев обширные и прекрасные владения, ныне составляющие сердце нашей великой республики. Это было разрушение последнего барьера, сдерживавшего поток нашей цивилизации, раз и навсегда было определено, что отныне закон, язык и кровь земли должны быть не индейскими и даже не французскими, а английскими. Немногочисленные французы Запада боролись против расы, которая должна была оставить от них так же мало следов, как и от обреченных индейских народов, с которыми они объединились. Присутствие британских наемников не изменило характера сражения, но просто послу-

жило для того, чтобы показать ожесточенную и узколобую ненависть, с которой материнский остров относился к своей старшей дочери, которой суждено было стать королевой земель, лежащих за Атлантикой.

Тем временем на озере Онтарио американцы совершили успешные высадки на Йорк и Форт-Джордж, рассеяв или захватив их сравнительно небольшие гарнизоны, в то время как внезапное нападение британцев в гавани Сакетта потерпело неудачу, поскольку атакующие силы были слишком малы. После взятия Форта-Джордж американцы вторглись в Канаду, но их авангард численностью 1400 человек под командованием генералов Чандлера и Уиндера был ночью застигнут врасплох 800 британцами, которые, пойдя в штыковую, разгромили лагерь, захватив генералов и половину артиллерии. Хотя нападавшие, потерявшие 220 человек из своего небольшого числа, пострадали гораздо больше, чем американцы, но последние были совершенно деморализованы и сразу же отступили в Форт-Джордж. Вскоре после этого полковник Берстлер с примерно 600 людьми сдался, оказав позорно краткое сопротивление несколько меньшим силам британцев и индейцев. Затем около 300 британцев пересекли Ниагару, чтобы атаковать Блэк-Рок, который они взяли, но впоследствии были отброшены большим отрядом ополченцев, потеряв 40 человек. Позже в том же сезоне американский генерал Макклюр без всякой причины сжег деревню Ньюарк, а затем в панике отступил через Ниагару. В от-

местку англичане, в свою очередь, переправились через реку, 600 солдат регулярной армии застигли врасплох и захватили ночью форт Ниагара с гарнизоном 400 человек, 2 тысячи солдат атаковали Блэк-Рок и, потеряв более сотни человек в стремительном сражении с более чем 1500 ополченцами, которых они легко рассеяли, захватили и сожгли и его, и Буффало. До того, как произошли эти последние события, была предпринята еще одна попытка вторжения в Канаду, на этот раз под командованием генерала Уилкинсона, «бесхребетного кретина», как очень точно назвал его Скотт. Командование было некомпетентно во всем, и это был полный провал, произошло только одно сражение, битва у Крайстлер-Фарм, в котором 1000 британцев, потеряв менее 200 человек, отбили вдвое большие силы американцев, потерявших почти 500 человек, а также одно артиллерийское орудие. Американская армия у озера Шамплейн ничего не сделала, ее командующий генерал Уэйд Хэмптон был, если такое возможно, еще хуже Уилкинсона. Он оставался на месте, пока небольшой отряд британцев грабил Платтсбург и Берлингтон, затем с 5000 человек он переправился в Канаду, но почти сразу вернулся после небольшой стычки в Чатогее между его авангардом и примерно 500 канадцами, в которой первый потерял 41 человека, а вторые – 22 человека. Это дело, в котором участвовала едва ли десятая часть американских сил, большинство британских и канадских историков довольно абсурдно назвали «сражением». На самом де-

ле отступление американцев было вызвано некомпетентностью собственного генерала, а не доблестью противников. То же, кстати, относится к так называемой «битве» при Платтсбурге в следующем году, которая, возможно, была проиграна сэром Джорджем Прево, но точно не выиграна американцами. И опять же, аналогичной критике следует подвергнуть нападение генерала Уилкинсона на Лаколь-Миллс, недалеко от истока того же озера. Ни одно из трех дел не было честным поединком, в каждом значительно превосходящие силы, возглавляемые совершенно неспособным генералом, отступали после небольшой стычки с противником, разгром которого был бы неизбежен, если бы сражение стало серьезным.

Ранней весной 1814 года небольшой отряд из 160 солдат американских регулярных войск под командованием капитана Холмса, сражаясь из-за засеки, разгромил 200 британцев, потерявших 65 человек, а сам потерял всего 8 человек. На озере Онтарио британцы обрушились на Осуиго и взяли его честным штурмом, а впоследствии потеряли 180 человек, которые пытались отрезать несколько американских транспортов и были убиты или взяты в плен до единого человека. Всю весну и начало лета армию на границе с Ниагарой тщательно готовил Браун и особенно Скотт, и результаты этих учений проявились в значительном повышении эффективности солдат в кампании, начавшейся в июле. Форт-Эри был захвачен с небольшим сопротивлением, и 4 июля у ре-

ки Чиппева Браун с двумя бригадами регулярных войск, по 1200 человек каждая, под командованием Скотта и Рипли, и бригадой из 800 ополченцев и индейцев под командованием Портера, в общей сложности около 3200 человек выиграл честный бой против британского генерала Райла, у которого было около 2500 человек, 1800 из которых – солдаты регулярной армии. Бригада Портера начала, оттеснив канадское ополчение и индейцев, но сама была остановлена британскими легкими войсками. Бригада Рипли принимала очень мало участия в сражении: три полка вообще не участвовали в боях, а четвертый настолько незначительно, что потерял всего пять человек. Всю тяжесть боевых действий приняла на себя бригада Скотта, которая подверглась ожесточенным атакам основной массы британских регулярных войск под командованием Райла. Последние атаковали очень храбро, но несли ужасные потери от огня регулярных войск Скотта, и, когда они почти подошли к нему, Скотт пошел в штыковую атаку и выбил их с поля боя. Потери американцев составили 322 человека, в том числе 23 индейца, британские – 515 человек, не считая индейцев. Количество фактически задействованных американцев не превышало количество британцев, и бригада Скотта в честном бою, завершившемся штыковой атакой, разгромила равные силы британских регулярных войск.

25 июля произошла битва при Ниагаре, или Ланди-Лейн, в которой участвовал генерал Браун с 3100 американцами[2]

---

[2] Насколько можно установить, большинство американских достоверных ис-

и генерал Драммонд с 3500 британцами[3]. Сражение разразилось случайно вечером и продолжалось с несгибаемой отвагой и диким кровопролитием до полуночи. С обеих сторон войска вступали в бой отрядами. Американцы сформировали атакующую группу. Как и прежде, основная тяжесть боя пришлась на бригаду Скотта, и более половины его людей убили или ранили, сам он получил ранение и был унесен с поля боя. Борьба носила самый отчаянный характер, бойцы проявляли несокрушимую непревзойденную отвагу[4]. Удар за ударом наносились в штыковую, а артиллерию раз за разом брали и отбивали. Потери были почти равны – с американской стороны 854 человека (включая генералов Брауна и Скотта, раненых) и два орудия, у англичан – 878 человек (включая генерала Райла, попавшего в плен) и одно орудие. Каждая сторона объявила это победой над превосходящими силами. Истина не подлежит сомнению, что британцы имели

точников указывает гораздо меньшее число, Лоссинг, например, говорит лишь о 2400.

[3] Генерал Драммонд в официальном донесении говорит, что их всего лишь 2800, Джеймс, сообщая подробности, считает, что это 3000 рядовых; добавив 13 процентов офицеров, сержантов и барабанщиков, получаем 3400 человек, а еще надо включить в счет артиллерийских ездовых и т. д.

[4] Генерал Драммонд пишет: «Их атаки были направлены против наших орудий настолько решительно, что наши артиллеристы были заколоты штыками во время заряжания, а дула вражеских орудий были в нескольких ярдах от наших». Даже Джеймс говорит: «Однако в целом американские войска сражались храбро, и поведение многих офицеров, особенно артиллерийского корпуса, сделало бы честь любой армии».

преимущество в численности и еще большее преимущество в положении, при этом столь же бесспорно, что это было поражение, а не победа американцев. Последние оставили поле боя и в полном порядке отступили в Форт-Эри, а британцы удержали поле боя и на следующий день преследовали врагов.

Получив некоторое подкрепление, генерал Драммонд, войска которого насчитывали теперь около 3600 человек, двинулся вперед, чтобы осадить Форт-Эри, в котором находилась американская армия численностью около 2400 человек под командованием генерала Гейнса. Полковник Такер с 500 солдатами британской регулярной армии был отправлен через Ниагару, чтобы уничтожить батареи у Блэк-Рока, но потерпел поражение от 300 солдат американской регулярной армии под командованием майора Моргана, сражавшихся из-за мощного бруствера из поваленных деревьев с ручьем перед ним. В ночь на 15 августа англичане тремя колоннами двинулись на штурм американских укреплений, но после решительной атаки были отбиты. Нападавшие потеряли 900 человек, атакованные – около 80. После этого ничего не предпринималось до 17 сентября, когда генерал Браун, возобновивший командование американскими войсками, решился на вылазку и осуществил ее. Каждая сторона получила подкрепление, американцев насчитывалось более 3000 человек, британцев – почти 4000 человек. Бои были ожесточенными, американцы потеряли 500 человек, но про-

тивники потеряли 600 человек, и большая часть их батарей была уничтожена. Каждая сторона, как обычно, претендовала на победу, но точно так же, как Ланди-Лейн следует считать американским поражением, поскольку наши войска отступили с поля боя, так и это сражение следует считать американской победой, потому что после него британцы разбили лагерь и отступили к Чиппуэю. Больше ничего сделано не было, и 5 ноября американская армия снова пересекла Ниагару. Хотя это четырехмесячное вторжение в Канаду, как и предыдущие, было отмечено некоторыми блестящими боевыми подвигами, оно ни к чему не привело. Но в то же время британское вторжение в Соединенные Штаты было отражено с куда большим позором. Сэр Джордж Прево с армией из 13 000 солдат-ветеранов двинулся на юг вдоль берегов озера Шамплейн к Платтсбургу, который удерживал генерал Макомб с 2000 солдат регулярных войск и, возможно, вдвое большим числом практически бесполезных ополченцев – сила, которую англичане могли бы развеять по ветру, хотя, поскольку сами они были сильно рассредоточены, не без серьезных потерь. Но британский флот был захвачен коммодором Макдонафом в бою на озере, а затем сэр Джордж, после нескольких тяжелых стычек между аванпостами армий, в которых американцы имели преимущество, поспешно бежал обратно в Канаду.

На протяжении всей войны морские побережья Соединенных Штатов подвергались мелким хищническим набе-

гам, часть того, что сейчас является штатом Мэн, была завоевана без особого сопротивления и удерживалась до окончания военных действий, некоторые города на берегу Чесапикского залива были разграблены или сожжены. В августе 1814 года было запланировано более серьезное вторжение и произведена высадка около 5000 человек – солдат регулярной армии, матросов и морских пехотинцев – под командованием генерала Росса. Администрация Демократической партии в Вашингтоне была настолько беспомощна, что за два года военных действий почти не было предпринято никаких шагов для защиты Капитолия или окрестностей, то немногое, что было предпринято, было сделано слишком поздно и вдобавок из рук вон плохо. История еще не отдала должное нелепой и болезненной глупости и идиотизму, в которых было повинно правительство, основанное Джефферсоном и возглавляемое Мэдисоном, как при подготовке, так и при ведении этой войны, и еще не осознано, что только что упомянутые люди и их сообщники несут главную ответственность за потери, которые мы в ней понесли, и горькое унижение, которому мы подверглись. Небольшая британская армия беспрепятственно прошла через Вирджинию и Мэриленд, сожгла Вашингтон и, в конце концов, отступила от Балтимора и снова высадилась, чтобы принять участие в экспедиции против Нового Орлеана. Дважды, в Бладенсбурге и Норт-Пойнте, она вступала в столкновения с превосходящими силами ополченцев, занимавших довольно хоро-

шие позиции. В каждом случае результат был одинаковым. После некоторых предварительных перестрелок, маневров и залповой стрельбы британцы шли в штыковую атаку. Самые неподготовленные соединения американского ополчения сразу же разваливались, остальные держались довольно стойко, ведя вполне меткий огонь, пока регулярные войска не подходили к ним вплотную, после чего те тоже бежали. Британские регулярные войска были слишком сильно обременены поклажей, чтобы организовать преследование, и вследствие особенности их наступления и скорости, с которой убегали их противники, потери последних в каждом случае были очень незначительными. Однако в Норт-Пойнте ополчение, будучи более опытным, вело себя лучше, чем в Бладенсбурге. Ни в том ни в другом случае британцам не пришлось прилагать никаких усилий для победы.

Выше приведен краткий очерк военных кампаний. Для американца это чтение невеселое, однако аналогичные события в других странах при подобных обстоятельствах так часто преподают такие же уроки, а кроме того, учат таким самоочевидным истинам, что едва ли нужно доводить их до сведения историка. Однако кульминацией войны стала битва за Новый Орлеан, замечательная в своем военном аспекте и являющаяся источником гордости для каждого американца. Она заслуживает более тщательного изучения, и я посвятил ей последнюю главу данной работы.

Нью-Йорк, 1883 год

Глава I
Введение

Причины войны 1812 года. – Противоположные взгляды Америки и Британии на права нейтральных государств. – Права бывшей метрополии. – Невозможность избежать военных действий. – Объявление войны. – Общие черты противоборства. – Расовая принадлежность участников. – Договор о мире номинально оставляет ситуацию без изменений. – Но практически разрешает спор в нашу пользу в отношении морских прав. – Британский флот и его репутация до 1812 года. – Сравнение с другими европейскими флотами. – Британские и американские источники, цитируемые в настоящей работе

Точка зрения, которую исповедовала Великобритания в 1812 году в отношении прав воюющих и нейтральных сторон, была диаметрально противоположна позиции Соединенных Штатов. «Между Англией и Соединенными Штатами Америки, – пишет один британский автор, – дух вражды, вызванный главным образом насильственной вербовкой на военную службу британских моряков или моряков, якобы являющихся таковыми, с борта американских торговых судов, к сожалению, существовавшей за долгое время до вой-

ны». «Мы считаем, – продолжает он, – общепризнанным принципом публичного права, а также неоспоримым, что ни одна страна, кроме той, к которой подданный принадлежит, не может освободить его от его естественной верности государству в силу рождения, при условии что юрисдикция другого независимого государства не будет нарушена, каждая страна имеет право принуждать своих подданных к несению службы, где бы они ни находились, и ни одна нейтральная страна не обладает такой юрисдикцией над своими торговыми судами в открытом море, которая лишала бы воюющую страну права обыскивать их на предмет военной контрабанды или имущества или физических лиц ее противников. И если при осуществлении этого права воюющая сторона обнаружит на борту нейтрального судна подданного, отказавшегося от своей законной верности, нейтральная сторона не может иметь справедливого основания для отказа в его выдаче, особенно если окажется, что этот подданный является дезертиром с морской или сухопутной службы первого».

Доктрина Великобритании: «Когда-то был подданным – подданный навсегда». С другой стороны, Соединенные Штаты утверждали, что любой иностранец после пяти лет проживания на их территории и после соблюдения определенных формальностей становится одним из их граждан так же полно, как если бы он был уроженцем страны. Великобритания утверждала, что ее военные корабли имеют право обыскивать все нейтральные суда в поисках имущества

и своих противников. Соединенные Штаты, противясь этому утверждению, заявляли, что «свободное судно является свободным товаром» и что, следовательно, их корабли в открытом море не должны подвергаться покушениям ни под каким предлогом. Наконец, британская система насильственной вербовки на военную службу[5], посредством которой мужчин можно было насильно схватить и заставить служить в королевском военно-морском флоте, независимо от того, чего это стоило им самим, была отвратительна всем американским идеям.

Столь большие различия во взглядах двух народов порождали бесконечные трудности. Чтобы избежать насильственной вербовки на военную службу или по другим причинам, многие британские моряки поступили на службу под американским флагом, и если их требовали обратно, то вряд ли они или их американские товарищи по кораблю сильно колебались поклясться, что они вовсе не британцы или что они были натурализованы как американцы. Столь же вероятно, что американцы, прорывавшие блокаду, были виновны в большом мошенничестве и более или менее завуалированном лжесвидетельстве. Но обиды, нанесенные американцами, были ничтожны по сравнению с теми, что наносили им. Любое ни в чем не повинное торговое судно могло быть в любой момент конфисковано, и, когда его догонял британский крейсер с недоукомплектованной командой, оно обя-

[5] Лучшее представление о которой можно получить, читая романы Марриетта.

зательно лишалось большей части своего экипажа. Британские офицеры сами были судьями в отношении того, следует ли объявлять моряка уроженцем Америки или Британии, и их решение не подлежало обжалованию. Если у капитана была недоукомплектованная команда, то можно было не сомневаться, что он возьмет мужчину любой национальности. Обиды, нанесенные нашим соотечественникам-мореплавателям их попаданием на иностранные суда, явились основной причиной войны.

Были и другие недовольства, которые представил британский адмирал Кокрейн: «Наше обращение с ее (американскими) гражданами едва ли соответствовало национальным привилегиям, на которые получила право молодая республика. Несомненно, среди американского народа было много людей, которые мало заботились о федеральном правительстве, считали более выгодным нарушать международное право, чем его соблюдать, помогая и поддерживая нашего врага (Францию), и именно против этого и были преимущественно направлены усилия эскадры, однако способ, которым эта цель достигалась, едва ли был меньшим нарушением тех национальных законов, которые мы якобы блюли. Практика снятия английских (и американских) моряков с американских судов без учета безопасности мореплавания, когда суда лишались их рук, уже упоминалась. К этому можно добавить задержание судов, в отношении которых нельзя было установить ничего противоречащего международ-

ному нейтралитету, в результате чего их грузы были повреждены, принуждение их, только по подозрению, к следованию в порты, отличные от тех, в которые они направлялись, и вообще обращение с ними, как если бы они занимались контрабандой. Американским судам не разрешалось покидать английские порты без гарантии выгрузки их грузов в каком-либо другом британском или нейтральном порту». На ту же тему Джеймс пишет: «Когда из-за господства Англии на море Франция больше не могла торговать сама, Америка предложила свои услуги в качестве нейтральной стороны, чтобы торговать за нее, а американские купцы и их агенты в поступающей прибыли вскоре нашли компенсацию за все лжесвидетельство и мошенничество, необходимые для того, чтобы обмануть первую в правах воюющей стороны. Полученное таким образом высокое коммерческое значение Соединенных Штатов в сочетании со сходством языка и личным сходством на взгляд поверхностного наблюдателя между уроженцами Америки и Великобритании сделало первых главным, если не единственным, пострадавшими в результате осуществления права на обыск. Обязанные ростом и процветанием главным образом эмиграции из Европы, Соединенные Штаты всячески соблазняют иностранцев, в особенности британских моряков, которых они могут натурализовать с помощью особого, своего собственного процесса так же быстро, как доллар может менять хозяев, а готовый к

подписанию и присяге чистый бланк может быть заполнен[6]. Именно знание этого факта делает британских военно-морских офицеров, разыскивающих дезертиров со своей службы, такими суровыми в своих разысканиях и такими скептичными по отношению к американским клятвам и заверениям».

Последнее предложение в вышеизложенном высказывании Джеймса – это эвфемистический способ сказать, что всякий раз, когда британский капитан, в чьем экипаже не хватало людей, встречал американское судно, он насильственно вербовал на военную службу всю его команду, которую хотел, независимо от того, были они гражданами Соединенных Штатов или нет. Однако следует помнить, что единственная причина, по которой Великобритания причинила нам больше вреда, чем какая-либо другая держава, заключалась в том, что она была на это способна лучше других. Ни одно из ее действий не было более оскорбительным, чем миланский декрет Наполеона, которым было объявлено, что любое нейтральное судно, позволившее британскому крейсеру обыскать себя, должно считаться британским и законной добычей любого французского корабля. Французские фрегаты и каперы были очень склонны набрасываться на любое встреченное американское судно, и сдерживала их только память о жестоком отпоре, полученном ими в Вест-Индии во время квазивойны 1799–1800 годов. Что мы, несо-

[6] Это преувеличение.

мненно, должны были сделать, так это принять даже предложенную конгрессом меру и объявить войну как Франции, так и Англии. А так мы избрали врагом того, кто нанес и еще сможет нанести нам самый большой вред.

Принципы, которые Соединенные Штаты отстаивали в 1812 году, теперь общепризнаны, а те, которые так упорно отстаивает Великобритания, не находят сторонников в цивилизованном мире. О том, что впоследствии сама Англия полностью приняла наши взгляды, красноречиво свидетельствовало ее сильное негодование, когда коммодор Уилкс, пользуясь правом розыска врагов своей страны, остановил нейтральный британский корабль «Трент», а аплодисменты, которыми этот поступок был встречен в Америке, довольно ясно доказывают другой факт, что за правое дело мы сражались не потому, что оно было *правым,* а потому, что согласовывалось с нашими собственными интересами. Мы боролись за «свободную торговлю и права моряков»: имея в виду под первым выражением свободу торговать повсюду без помех, вплоть до государства, с которой мы торговали, а под последним – что человек, оказавшийся в море, должен иметь такую же защиту, как и человек, остававшийся на суше. Номинально ни один из этих вопросов не был урегулирован и даже не упоминался в мирном договоре, но огромный рост репутации, которую приобрел наш флот во время войны, практически решил оба пункта в нашу пользу. Наши матросы приобрели слишком большую славу, чтобы кто-либо мог снова

безнаказанно им досаждать.

При столь радикально отличающихся друг от друга взглядах на эти морские вопросы две страны не могли не вступить в конфликт. Мало того, что британские крейсеры докучали нашим торговым судам, но наконец один из них, 50-пушечный корабль «Леопард», атаковал американский фрегат «Чесапик», а последний был так сильно загружен, что не смог ответить ни единым выстрелом, в результате было убито или ранено около двадцати членов его экипажа и забрано четыре – один британец и три американца, объявленные дезертирами. За этот поступок были принесены извинения, но они не смогли восстановить гармонию между двумя странами. Вскоре после этого произошло еще одно сражение. Американский фрегат «Президент» коммодора Роджерса атаковал британский шлюп «Литл Белт» капитана Бингема и обменялся с ним одним или двумя бортовыми залпами – фрегат ушел безнаказанным, а шлюп едва не разлетелся на куски. Последовали взаимные обвинения, каждая сторона настаивала на нападении другой.

Когда Великобритания издала указы в Совете, запрещающие нашу торговлю с Францией, мы в ответ приняли закон об эмбарго, который вообще запретил нам торговать. Результатом такой череды инцидентов мог быть только один, и это была война. Соответственно, в июне 1812 года была объявлена война, и как борьба за права моряков велась она в основном в океане. Нам предстояло немало боев и на суше,

в которых мы, как правило, оказывались побежденными. К войне мы почти не готовились, и результат был таким, какого можно было ожидать. Продлившись три унылых и лишенных событий года, война закончилась в 1815 году миром, который оставил ситуацию почти в том же состоянии, в каком ее застала война. На суше и на воде состязание принимало форму череды мелких действий, в которых слава, обретаемая победителем, редко затмевала позор, нанесенный побежденным. Ни одной из сторон не удалось сделать то, что она намеревалась. Американцы заявляли, что необходимо завоевать Канаду, но завоевание едва не произошло совсем наоборот. Британские писатели настаивали на том, чтобы смести американский флот с моря, но в процессе сметания он увеличился в четыре раза.

Когда Соединенные Штаты объявили войну, Великобритания напрягала все нервы и мускулы в смертельной схватке с самым грозным военным деспотизмом современности и была вынуждена доверить защиту своих канадских колоний лишь горстке регулярных войск, которым помогали пригодные для обороны местные. Но конгресс предоставил еще меньше обученных солдат и полагался на ополченцев. Последние проявляли свои боевые способности главным образом в дуэлях друг с другом и, как правило, проявляли осознанную робость всякий раз, когда необходимо было перейти границу и атаковать врага. Соответственно, кампания началась с бескровной капитуляции американского генерала

перед гораздо более слабыми британскими силами, а продолжалась война так же, как и началась, мы терпели позор за позором, а потери, которые мы, в свою очередь, нанесли Великобритании, были настолько малы, что едва ли привлекли ее внимание. Наконец, сокрушив своего большего врага, Англия повернулась, чтобы сокрушить меньшего, и в свою очередь потерпела позорное поражение. К этому времени события постепенно привели к тому, что на нашей северной границе появилось небольшое количество солдат, которые под командованием Скотта и Брауна могли сражаться на равных с противостоявшими им войсками ветеранов, хотя и составлявшими часть того, что в ту пору, несомненно, было самой грозной боевой пехотой, которой обладало любое европейское государство. Сражения того периода борьбы отличались мастерством и непоколебимым мужеством, а также большими потерями, но количество комбатантов было так мало, что в Европе они считались бы простыми аванпостными стычками и в тот период колоссальных армий совершенно не привлекали внимания за границей.

Когда Великобритания всерьез обратила внимание на своего заокеанского врага и собрала в Канаде перед озером Шамплейн армию в 14 000 человек, предусмотрительность конгресса позволила противопоставить ей солдат, действительно столь же дисциплинированных и стойких и под таким же хорошим командованием, как и во всем мире, но насчитывавших всего несколько сотен человек, поддерживаемых

более или менее некомпетентным ополчением. Только мастерство Макдоноу и бездарность сэра Джорджа Прево спасли нас от серьезной катастрофы, морское сражение сделало честь нашим морякам, но отступление британских сухопутных войск произошло по вине их командира, а не противников. Тем временем большой британский флот в Чесапике не добился большой славы уничтожением местных устричных лодок и сожжением нескольких фермерских домов, поэтому была произведена высадка армии, чтобы нанести решающий удар. В Бладенсбурге 5000 солдат британских регулярных войск, совершенно измученные жарой и усталостью, одним лишь своим видом испугали вдвое превосходящих численно американских ополченцев, размещенных на хороших позициях. Но единственным достигнутым успехом было сожжение общественных зданий Вашингтона, и этот результат имел сомнительную ценность. Затем был атакован Балтимор, и атака была отбита после того, как форты и корабли провели взаимный обстрел с незначительными результатами, которые обычно сопровождают этот зрелищный и безвредный вид войны.

Завершение противостояния ознаменовалось необыкновенной битвой за Новый Орлеан. Это было совершенно ненужное кровопролитие, поскольку уже был подписан мирный договор. Едва ли найдется другое противостояние современности, где побежденная сторона подверглась бы такой ужасной бойне, а победители вышли бы почти невредимы-

ми. В полном согласии с остальной частью войны ополчение, до сих пор более чем бесполезное, должно было в этом случае одержать победу вопреки большому численному превосходству, и, кроме того, его блестящая победа не должна была иметь большого значения в своем влиянии на результат. В целом сухопутное противостояние, в котором мы, безусловно, должны были добиться успеха, сделало больше чести нашим противникам, нежели нам, несмотря на заслуги Скотта, Брауна и Джексона. Наш небольшой отряд регулярных войск и добровольцев справился превосходно, что касается ополчения, то Новый Орлеан доказал, что драться оно умеет отменно, а остальные сражения – что оно вообще не дралось.

В море, как выяснилось, обстоятельства были совершенно иными. Здесь у нас была небольшая, но очень боеспособная сила, хорошо построенные корабли, укомплектованные хорошо обученными людьми и под командованием способных и опытных офицеров. Подвиги нашего флота составляют тот момент истории, желание остановить который простительно любому американцу.

Таковы были причины, исход и общий характер войны. Теперь можно перейти к сравнению достоверности источников по этому вопросу. Упоминание о них уже было сделано в предисловии, но в этой связи представляется необходимым сделать более подробный разбор.

В конце противостояния подавляющее большинство пи-

савших о нем историков были настолько злопамятны, что к их заявлениям следует относиться с осторожностью. Что касается основных фактов, я полагался, где это было возможно, на официальные доклады командующих офицеров, принимая каждый за авторитетный источник сведений о его собственных силах и потерях[7]. Для всех британских побед у нас есть британские официальные донесения, которые почти точно совпадают в том, что касается *фактов,* а не мнений, с соответствующими американскими донесениями. В течение первого года британцы также публиковали официальные сводки о своих поражениях, которым в случае с «Герьером», «Македонским» и «Фроликом» я следовал так же внимательно, как и сводкам об американских победах. Последнее британское официальное донесение, извещающее о поражении, было в случае с «Явой», и это единственное донесение, которому я строго не следовал: тот факт, что после него больше ничего опубликовано не было, прискорбен сам по себе, а различные содержащиеся в нем противоречия создают впечатление подделки. Сопровождающий его отчет хирурга, безусловно, ложный. После 1812 года не было опубликовано ни

---

[7] Когда Брок заявляет, что его силы составляют 330, его противника – 440, а американская следственная комиссия приводит числа 396 и 379, я принял их как 330 и 379 соответственно. Это единственный правильный метод. Я считаю само собой разумеющимся, что каждый командир намеревался сказать правду и, конечно, знал собственные силы, в то время как вполне естественно мог и совершенно добросовестно преувеличивал силы противника.

одного донесения о поражении британского коммандера[8], и я вынужден полагаться на различных британских историков, особенно Джеймса, о котором речь пойдет ниже.

Американские и британские историки, у которых мы иногда вынуждены черпать материалы, рассматривают войну с очень разных точек зрения, и их отчеты обычно расходятся. Каждый писатель, естественно, окрашивал дело так, чтобы оно выглядело благоприятным для его стороны. Иногда это делалось намеренно, а иногда нет. Нередки ошибки против стороны самого историка, как, например, когда британский автор Брентон говорит, что британский бриг «Пикок» имел 32 орудия вместо 24, а Лоссинг в своем «Полевом журнале войны 1812 года» допускает ту же ошибку относительно вооружения американского брига «Аргус». Ошибок подобного рода, конечно, следует остерегаться так же тщательно, как и любых других. Сообщения с чужих слов, такие как «было сказано», «заключенный на борту противоборствующего флота наблюдал», «американская (или британская) газета отметила такую-то и такую-то дату», конечно, должны быть отвергнуты. Существует любопытный параллелизм в ошибках с обеих сторон. Например, писавший в 1813 году американец мистер Лоу рассказывает, как 44-пушечная «Конституция» захватила 49-пушечный «Герьер», а британский лейтенант Лоу, писавший в 1880 году, рассказывает, как 18-

---

[8] За исключением сражений на озерах, где я, соответственно, уделил одинаковое внимание донесениям как британцев, так и американцев.

пушечный «Пеликан» захватил 20-пушечный «Аргус». Каждый пишет правду, но не всю правду, потому что, несмотря на классификацию 44 и 18, победители несли соответственно 54 и 21 орудие более тяжелого металла, чем их противники. Такие ошибки, как правило, преднамеренные. Точно так же большинство американских писателей упоминают о победоносных действиях каперов, но не упоминают о тех, в которых они потерпели поражение, а британцы, в свою очередь, регистрируют каждую успешную экспедицию по «вырезанию», но полностью игнорируют те, которые закончились неблагоприятно. Другие ошибки возникают из-за искреннего незнания. Так, Джеймс, говоря об отражении атаки лодок «Эндимиона» «Невшателем», приписывает последнему команду в 120 человек, изначально она у него была больше, но на момент нападения в ней оставалось всего 40 человек. То же самое происходит, когда капитан «Пеликана» пишет, что офицеры «Аргуса» сообщают о потерях в 40, тогда как на самом деле они сообщали о 24 человеках или когда капитан Дакрес считал, что «Конституция» потеряла около 20 человек вместо 14. Капитаны американских канонерских лодок, рассказывая о боях с британскими фрегатами, неизменно сильно преувеличивали потери последних. Так что с обеих сторон имелись некоторые преднамеренные искажения или фальсификации, а также гораздо более многочисленный класс простых ошибок, возникающих в основном из-за неспособности увидеть более одной стороны вопроса.

Среди первых британских исследователей, писавших об этой войне, самым способным был Джеймс. Он полностью посвятил этому одно произведение, свои «Морские происшествия», и оно занимает большую часть тома VI его более обширной «Истории британского флота». Два других британских писателя, лейтенант Маршалл и капитан Брентон, писали о тех же событиях примерно в одно и то же время, но ни один из этих морских офицеров не произвел и половины столь ценной работы, как штатский Джеймс. Маршалл написал дюжину томов, каждый из которых содержал несколько десятков унылых панегириков или воспоминаний стольких же разных офицеров. Нет попытки наведения порядка, почти ничего о кораблях, орудиях или составе экипажей, и нет даже притязания на объективность, цель состояла в том, чтобы представить каждого англичанина в лучшем свете. Произведение аналогично многочисленным жизнеописаниям Декейтера, Бейнбриджа, Портера и т. д., появившимся в Соединенных Штатах примерно в то же время, и столь же ненадежно. Брентон написал гораздо лучшую и очень интересную книгу, по хорошему и связному плану и, видимо, с искренним желанием сказать правду. Он принимает британские официальные отчеты как не нуждающиеся в малейшем дополнении, точно так же, как Купер принимает американские официальные отчеты. Более серьезным недостатком является его неспособность быть точным. То, что эта неточность не является преднамеренной, доказывается

тем фактом, что книга говорит как против его собственной стороны, так и против противников. Автор утверждает, например, что орудия эскадр Перри и Барклая «были примерно равны по количеству и весу», что на вооружении «Пикока» (британского) было 32 вместо 24 пушек, и недооценивает силу второго «Уоспа». Но грубые ошибки столь же плохи, когда они рассредоточены, как и когда они ограничены одной стороной, кроме того, игнорирование Брентоном всех деталей делает его малополезным.

Джеймс, как уже было сказано, является самым ценным источником о войне с точки зрения *чисто британских* дел. Он подробно вникает в детали и, очевидно, старательно выискивает собственные источники. Он ознакомился с корабельными журналами, отчетами Адмиралтейства, различными трактатами, всеми статьями «Газетт», приводит очень хорошо подобранные выдержки, выстроил свою работу в хронологическом порядке, различает офицеров, заслуживающих похвалы и заслуживающих порицания, и фактически пишет работу, с которой должен ознакомиться каждый, кто изучает военно-морские дела. Но, к сожалению, он поражен ненавистью к американцам, равносильной мономании. Он хочет выдвинуть против них как можно более сильное обвинение. О *враждебности* его работы можно судить по не слишком лестному отчету об образовании молодого американского мореплавания, который можно найти на с. 113 в томе VI его «Истории». На с. 153 он утверждает, что

он «беспристрастный историк», и примерно за три строки до этого упоминается, что «американцам может быть удобно выдумывать любую ложь, какой бы неприкрытой она ни была, чтобы приписать себе доблести». На с. 419 он говорит, что капитану Портеру следует верить, «насколько это подтверждается доказательствами (единственный надежный способ, когда речь идет об американце)», – это слишком резкое осуждение правдивости всех соотечественников капитана Портера, похоже, указывает на то, что Джеймс, возможно, был не в том бесстрастном настроении, которое лучше всего подходит для написания истории. То, что он должен быть предвзятым в отношении отдельных капитанов, можно понять, но, когда он совершает бешеные нападки на американский народ в целом, он, как минимум, мешает американцу безоговорочно ему доверять. Его ошибочные заявления тем труднее опровергнуть, потому что они делаются настолько преднамеренно. Это не так, как в случае с Брентоном и Маршаллом, поскольку он действительно считает, что британского капитана *невозможно* победить, кроме как по какому-то извращенному особому провидению, ибо никто не говорит хуже, чем он, об определенных офицерах и экипажах. Писатель с несомненными способностями Джеймса должен был прекрасно понимать, что его утверждения во многих случаях были ложными, например когда он искажал донесение Хильяра о потерях Портера или искажал сравнительную силу флотов на озере Шамплейн.

Когда он говорит (с. 194), что капитан Бейнбридж хотел бежать с «Явы» и бежал бы, если бы ему не помешал совет его первого лейтенанта, англичанина-ренегата[9], не имеет большого значения, было ли его заявление вызвано чрезмерной доверчивостью или мелкой подлостью, ибо независимо от того, ущербен ли его ум или его мораль, этого достаточно, чтобы сильно подорвать ценность других его «фактов». Опять же, когда Джеймс (с. 165) утверждает, что Декейтер убегал от «Македонского» до тех пор, пока из-за какого-то чудесного оптического обмана не принял его за 32-пушечный корабль, он просто сильно умаляет ценность своего рассказа. Когда американцы принимают на вооружение абордажные каски, он считает это убедительным доказательством того, что они страдают от острого приступа трусости. На с. 122 он говорит, что «если бы „Президент“, когда он столкнулся с „Бельвидерой“, плыл в одиночку, коммодор Роджерс гиперболизировал бы британский фрегат до линейного корабля и сделал бы все возможное, чтобы его избежать», это дает прекрасное представление о том, какое значение следует придавать различным другим анекдотам, которые он рассказывает о столь поносимом коммодоре Роджерсе.

Но всегда следует помнить, что, как бы ни был ненадежен Джеймс во всем, что относится исключительно к аме-

---

[9] Которым, к слову сказать, был мистер Паркер, родившийся в Вирджинии и никогда в жизни не бывавший в Англии.

риканцам, он ничем не хуже своих современников обеих национальностей. Неверные заявления Найлза в его «Еженедельном регистре» о британцах столь же вопиющи, а его информация о собственной стороне еще более ценна[10]. Всякий мелкий американский писатель восторженно отзывался о «Нельсоновской победе над значительно превосходящими силами» Перри. Было объявлено, что «Конституция» оказалась в невыгодном положении, когда сражалась с «Герьером», и так *до бесконечности.* Но все эти писатели канули в Лету, и на их сочинения даже не ссылаются, тем более не верят. Джеймс, напротив, выпускал в свет издание за изданием, считался непререкаемым авторитетом в своей стране и большей части Европы и служил основой для всех последующих описаний британских авторов. От Элисона до лейтенанта Лоу почти каждое английское произведение, популярное или нет, в той мере, в какой оно касается войны, является просто «переработкой» произведений, написанных Джейм-

---

[10] В «Найлзе» (еженедельный журнал, издаваемый в Балтиморе Иезекией Найлзом), кстати, можно найти прекрасные образцы традиционного американского стиля «распростертого орла». Помню, как в одном месте он описал «Бессмертного Роджерса», отказавшегося от своей естественной добычи, британцев, «парящим, точно дерзкий белоголовый орлан в своей родной стране», в поисках того, кого он мог бы поглотить. Рассказы, которые он дает о британских боевых кораблях, бегущих от американских 44-пушечных, вполне совпадают с анекдотами Джеймса о том, что последние избегали британских 38- и 36-пушечных, опасаясь, что на них могут установить 24-фунтовые орудия. Взятые вместе, два произведения дают о войне очень хорошее представление, а по отдельности каждое из них совершенно ненадежно, особенно в вопросах суждений.

сом. Следствием этого стало то, что британские и американские рассказы поразительно несхожи. Один приписывает захват британских фрегатов просто тому факту, что их противники были «уменьшенными линейными кораблями», другой воздает всю славу «неустрашимому героизму» и т. д. матросов-янки.

Одна не очень похвальная черта первых американских военно-морских историков давала их соперникам большое преимущество. Цель первых состояла в демонстрации того, что «Конституция», например, одержала победу над равным противником, а точное описание сил показало обратное, поэтому они всегда избегали цифр и, таким образом, освобождали почву для осмотрительных искажений Джеймса. Даже критикуя его, они никогда не вдавались в подробности, ограничиваясь некоторым замечанием о «бросании» его цифр ему в лицо с «отвращением». Даже Купер, какой бы интересной ни была его работа, гораздо меньше вдавался в цифры, чем следовало бы, и, по-видимому, почти не обращал внимания на британские официальные донесения, которые, безусловно, следует воспринимать как равнозначные американским. Его комментарии к действиям в целом очень справедливы, книга не искажена злобой по отношению к британцам, но он определенно ошибается, приписывая, например, гибель «Чесапика» исключительно случайности, а гибель «Аргуса» только его слабости и т. д. Его склонность хвалить всех американских командиров может быть великодушна, но тем

не менее несправедлива. Если сдача Декейтером «Президента» восхваляется хотя бы неявно, то защита «Эссекса» Портером едва ли может получить заслуженную награду. Нет никакого веса в похвале, дарованной Халлу, если похвала того же рода, но меньшей степени дарована Роджерсу. Очень жаль, что Купер не написал о Джеймсе критику, ибо никто не смог бы сделать ее более основательно. Но он никогда о нем не упоминает, кроме одного раза, говоря о флоте Барклая. По всей вероятности, это молчание вызвано явным презрением и уверенностью в том, что большинство замечаний Джеймса были ложными, но в результате очень многие иностранцы считают, что он уклонился от этой темы. Он редко приводит какие-либо данные, с помощью которых можно было бы опровергнуть утверждения Джеймса, и именно по этой причине я был вынужден очень полно критиковать работу последнего. Однако многие замечания Джеймса не поддаются критике из-за их случайного характера, например когда он заявляет, что американские гардемарины были в основном капитанами и помощниками капитанов торговых судов, и не приводит ни одного доказательства в поддержку этого утверждения. Почти так же верно было бы утверждать, что британские гардемарины большей частью были бывшими профессиональными боксерами, и столько же труда потребовалось бы, чтобы это опровергнуть. В других случаях его слова говорят сами за себя, как, например, там, где он утверждает (с. 155), что треть американских моряков по ко-

личеству и половина по эффективности в действительности были британцами. То есть из 450 человек на борту «Конституции», когда она сражалась с «Явой», 150 были британцами, а оставшиеся 300 могли быть с равным успехом заменены еще 150 британцами. Таким образом, совсем немного логики приводит к результату, к которому Джеймс определенно не собирался приходить, а именно что 300 британцев во главе с американскими офицерами могли легко и сравнительно безнаказанно победить 400 британцев во главе со своими офицерами. Он также забывает, что целое состоит из суммы частного. Он объясняет победы американцев, заявляя (с. 280), что им посчастливилось встретить фрегаты и бриги с неумелыми артиллеристами или скверными экипажами, он также скрупулезно показывает, что «Македонским» руководили некомпетентно, «Пикоком» командовал простой солдафон, экипаж «Эйвона» был неопытным, слабым и неумелым, «Явы» – чрезвычайно низкого качества, и приводит многое другое в том же духе. Теперь американцы сразились в единоборстве с тремя фрегатами и семью шлюпами, а когда встречается целых десять судов, весьма вероятно, что они представляют собой средний уровень, так что критика Джеймса, будь она верна, просто показывает, что средний британский корабль был очень склонен иметь некомпетентного капитана или неквалифицированную команду. Эти недостатки не ощущались, когда они противостояли флотам, в которых наличествовали в еще большей сте-

пени, но стали очевидными, когда столкнулись с державой, несколько офицеров которой почти в совершенстве знали, как играть свои роли, и, что не менее важно, знали, как составить первоклассные экипажи из того, что уже было хорошим сырьем. Наконец, значительная часть оскорблений Джеймса в отношении американцев в достаточной мере опровергает сама себя, и, возможно, метод презрительного игнорирования Купера был лучшим, но не будет никакого вреда, если мы посвятим немного места комментариям о нем.

Лучшей американской работой является статистическая «История военно-морского флота Соединенных Штатов» лейтенанта Джорджа Э. Эммонса. К сожалению, это всего лишь масса превосходно систематизированных и классифицированных статистических данных, и, хотя они имеют неоценимое значение для учащегося, обычному читателю они не интересны, хотя почти все сделанные мной заявления о силе, тоннаже и вооружении американских кораблей я всякий раз, когда это было возможно, брал из военно-морских отчетов и т. д., но с таким же успехом их можно было почерпнуть, цитируя Эммонса. Копии большинства американских официальных донесений, которые я цитировал, можно найти в «Найлз реджистер», тома с 1 по 10, а все британские – в «Лондонской военно-морской хронике» за те же годы. Именно этим двум авторитетам я больше всего обязан, и почти в такой же степени я обязан «Американским государственным документам», том XIV. Следующими по порядку

идут Эммонс, Купер и бесценный, хотя и несколько бессовестный, Джеймс и многие другие, имена которых я привел в соответствующих местах. Комментируя боевые действия, я, когда это было возможно, опирался на некоторые классические работы, такие как «Морские войны» Жюрьена де ла Гравьера, «Морская артиллерия» лорда Говарда Дугласа или, что еще лучше, на жизнеописания и мемуары адмиралов Фаррагута, Кодрингтона, Брока или Дарема. Названия различных работ будут даны полностью по мере ссылок на них[11]. В нескольких случаях, когда требовалась предельная точность или когда, как в случае с захватом «Президента», желательно было не оставлять места для споров относительно фактов, я дал ссылку на каждое предложение, но в целом это было бы слишком громоздко, а потому я ограничился в начале или ближе к началу описания каждого действия ссылкой на источники, из которых я его позаимствовал. На менее важные факты, с которыми все согласны, я часто ссылок не давал.

---

[11] Чтобы получить представление об американских моряках того времени, романы Купера «Майлз Уоллингфорд», «Найденный дом» и «Лоцман» намного лучше любой истории, в «Двух адмиралах» описание маневрирования флота бесподобно. Однако его представление жизни матроса, скорее, в розовом цвете. «Журнал Тома Крингла» следует прочитать из-за информации, которую он дает. Романы Марриетта покажут некоторые из темных сторон жизни моряка.

Глава II
Военно-морские силы Британии и Америки

О подавляющем военно-морском превосходстве Англии при объявлении ей войны Америкой. – Расовая принадлежность комбатантов. – Американский флот в начале войны. – Хорошо подготовленные офицеры. – Причины, делающие наших моряков особенно эффективными. – Близкое сходство между британскими и американскими моряками. – Наши корабли укомплектованы в основном коренными американцами, многие из которых ранее служили в составе британского флота. – Квоты моряков, предоставленных различными штатами. – Военно-морские верфи. – Списки офицеров и матросов. – Список судов. – Тоннаж. – Различные способы его оценки в Британии и Америке. – Классы. – Американские корабли с правильной оценкой класса. – Вооружение фрегатов и корветов. – Три типа используемых орудий. – Разница между длинноствольными орудиями и карронадами. – Малый вес американского выстрела. – Сравнение класса британских 38-пушечных и американских 44-пушечных фрегатов. – Сравнение последних с 74-пушечниками

В первые годы этого века военно-морская мощь Англии находилась на такой высоте, которой ни до, ни после этого не достигала ни одна другая нация. По всем морям шли ее флоты, не только торжествуя, но и не имея никого, кто мог бы оспорить их власть. Островитяне уже давно заявляли о господстве над океаном, и им, безусловно, удалось полностью подтвердить свои притязания во времена кровавых сражений, последовавших за началом Французской революции. С 1792 года каждая европейская нация, в свою очередь, научилась испытывать сильный страх перед тяжестью руки Англии. На Балтике сэр Сэмюэл Худ учил русских, что они должны оставаться в порту, когда приближаются английские крейсера. Потомки викингов видели, как весь их флот был уничтожен в Копенгагене. Ни один голландский флот не вышел в море после того дня, когда лорд Дункан завладел разбитыми кораблями де Винтера у Кампердауна. Но за несколько лет до 1812 года величайший морской боец всех времен погиб в Трафальгарской бухте, и его смерть рассыпала на куски флоты Франции и Испании.

С того дня задачей Англии было не более чем удерживать в порту те вражеские корабли, которые она не уничтожила. Только Франция все еще обладала флотом, который можно было сделать грозным, и поэтому от Шельды до Тулона ее гавани охранялись, а ее берега подвергались нападениям блокадных эскадр англичан. В других местах последние не опасались, что их власть подвергнется серьезному нападению,

но их обширная торговля и многочисленные колонии нуждались в постоянной защите. Соответственно, в каждом море можно было встретить их крейсеры всех размеров, от величественного линейного корабля с ярусами тяжелых орудий и многими сотнями людей до маленького катера, на борту которого находилось всего несколько десятков душ и пара легких пушек. Все эти крейсеры, особенно меньшие, постоянно вступали в столкновение с теми неприятельскими кораблями, которые прошли через блокаду или были слишком малы, чтобы пострадать от нее. Французские и итальянские фрегаты часто атаковывались и захватывались, когда огибали свои берега или отправлялись в грабительский поход через Атлантику или Индийский океан, и, хотя датчане потеряли свои более крупные корабли, они продолжали ожесточенную войну с помощью бригов и канонерских лодок. Таким образом, английский морской пехотинец находился в постоянных учениях, сопровождавшихся почти неизменным успехом.

Такова была военно-морская мощь Великобритании, когда конгресс Соединенных Штатов объявил ей войну. В то время как она могла насчитывать тысячу парусов, американский флот насчитывал всего полдюжины фрегатов и шесть или восемь шлюпов и бригов, и неудивительно, что британские офицеры отнеслись к своему новому противнику с презрительным безразличием. До сих пор об американских моряках ничего не было слышно, за исключением двух или

трех столкновений с французскими фрегатами и каких-то малоизвестных стычек с маврами Триполи, ни один из них не мог привлечь внимания за годы, которые видели Абукир, Копенгаген и Трафальгар. И все же эти мелкие войны были школой, которая подняла нашу морскую пехоту до высочайшего уровня мастерства. Непрерывный путь к победе, одержанный главным образом благодаря морскому делу, сделал английского моряка чрезмерно самоуверенным и заставил его мало обращать внимания на маневрирование или даже на артиллерийскую стрельбу. Тем временем американец, получая сильные удары, учился их отражать и принадлежал к службе слишком молодой, чтобы чувствовать чрезмерную уверенность в себе. Одна сторона ослабила свои тренировки, в то время как другая довела их до предела возможного. Таким образом, наши корабли в целом оказались победителями в кажущейся неравной борьбе, и люди, победившие лучших моряков Европы, теперь, в свою очередь, были вынуждены уступить. По сравнению с великими морскими сражениями предшествующих нескольких лет самые кровавые наши конфликты были простыми стычками, но это были стычки между дотоле признанными королями океана и новыми людьми, которые все же их превзошли. На протяжении более ста лет или с тех пор, как они сражались на равных с великими голландскими адмиралами, англичане демонстрировали решительное превосходство над различными противниками, и в течение последней четверти этого времени это превос-

ходство, как уже говорилось, было очень заметным. Любопытно, что наш небольшой флот, в котором искусство обращения со старыми бортовыми парусными фрегатами и борьбы с ними было доведено до высочайшей из когда-либо достигавшейся точки совершенства, – что этот самый флот содержал первого представителя современного военного парового корабля, а также торпеду – две страшные машины, которым предстояло изгнать из океана то самое парусное судно, которое впервые отстояло честь звездного флага. Тактическое мастерство Халла или Декейтера теперь представляет просто архаический интерес и имеет не больше значения для маневрирования современного флота, чем тактика афинских галер. Но война по-прежнему дает некоторые практические уроки в отношении ценности эффективных кораблей и, прежде всего, эффективных людей на них. Если бы у нас были только жалкие канонерские лодки, наши люди ничего не смогли бы сделать, если бы у нас не было хороших людей, тяжелые фрегаты не помогли бы нам. Слабые корабли и бессильная артиллерия лишили голландцев почти всего флота, прекрасные корабли и тяжелые орудия не спасли французов и испанцев от такой же участи. Своим успехом мы обязаны тому, что матросы были даже лучше голландцев на кораблях еще более совершенных, чем те, которые были построены двумя римскими морскими державами.

Первое, что нужно помнить, чтобы написать честный отчет об этой войне, – это то, что разница в боевых навы-

ках, которая, несомненно, существовала между двумя сторонами, была обусловлена главным образом обучением, а не характером людей. Кажется несомненным, что вначале у американца было некоторое преимущество, потому что его окружение, отчасти физическое, отчасти социальное и политическое, невольно формировало привычку к большей уверенности в себе. Поэтому в среднем он вначале представлял скорее лучший материал, но разница была очень незначительной и полностью исчезала при хорошей тренировке. Воюющие были людьми одной расы, мало отличавшимися друг от друга. На побережье Новой Англии английская кровь была такой же чистой, как и в любой части Британии, в Нью-Йорке и Нью-Джерси она была смешана с кровью голландских поселенцев, а голландцы по расовому признаку ближе к истинным старым англичанам Альфреда и Гарольда, чем, например, полностью англизированные валлийцы Корнуолла. В противном случае вливание новой крови в английскую расу по эту сторону Атлантики происходило главным образом из трех источников – немецкого, ирландского и норвежского, и эти три источника представляют элементарные части составного английского народа примерно в тех же пропорциях, в которых они были первоначально объединены, – в основном тевтонские, в основном кельтские и со скандинавской примесью. Потомок немца становится настолько же англоамериканцем, насколько потомок стратклайдского кельта уже стал англобританцем. Просматривая фамилии ком-

батантов, было бы трудно найти кого-либо из одного флота, которого нельзя отыскать в другом, – Халла или Лоуренса, Аллена, Перри или Стюарта. И среди всех английских имен с обеих сторон можно найти много шотландских, ирландских или валлийских – Макдонаф, О'Брайен или Джонс. Появляются еще более странные: гугенот Таттналл – один из американских защитников «Констеллейшн», а другой гугенот Таттналл – среди британских нападавших на озере Борн. Всегда следует иметь в виду, что американцы и англичане представляют собой две в значительной степени схожие ветви великой английской расы, которые и до, и после своего разделения ассимилировались и сделали англичанами многие другие народы[12]. Уроки войны едва ли можно усвоить, если забыть об этой идентичности[13].

Чтобы правильно понять эффективность нашего флота,

---

[12] Жителей Великобритании лучше всего обозначать как «британцев» – англичанин является либо слишком узким, либо слишком широким термином, в одном случае означающим жителей лишь части Британии, а в другом – весь англосаксонский народ.

[13] Это была фактически гражданская война, и обе стороны вели ее с большой безжалостностью и ожесточением. Я уже говорил о многочисленных обидах американцев, англичане, в свою очередь, смотрели на наших блокадопрорывателей, заходивших во французские порты, точно так же, как позднее мы смотрели на британские пароходы, врывавшиеся в Уилмингтон и Чарльстон. Любопытно видеть, насколько нелогичны писатели. Карьера «Аргуса» и «Алабамы», например, во многом была поразительно похожа, однако тот же автор, который говорит об одном из них как о «героическом маленьком бриге», назовет другого «черным пиратом». Конечно, нельзя сравнивать основания, по которым сражались два корабля, но сами рейды были очень похожи как по характеру, так и по истории.

необходимо вкратце взглянуть на характер и прошлое офицеров и матросов, служивших в нем.

Когда разразилась война, военно-морскому флоту Соединенных Штатов было всего несколько лет, но у него уже была далеко не бесславная история. Капитаны и лейтенанты 1812 года обучались своим обязанностям на практике, и флаг, под которым они сражались, уже полюбился им многими славными традициями, и они, как, может быть, и другие в их роде, ничего из этой славы не забыли. Несколько пожилых людей участвовали в войне за революцию, и все еще свежи были в памяти доблестные подвиги каперского военного ремесла старых времен. Мужчины по-прежнему говорили о дерзких походах Биддла и упорных боях Барни или рассказывали о шотландце Поле и о мрачных деяниях тех, кто разделил его судьбу. Кроме этих воспоминаний о старшем поколении, большинство офицеров и сами принимали участие, будучи моложе годами и чинами, в делах ничуть не менее славных. Почти каждый участвовал в каком-нибудь доблестном подвиге, которому он, по крайней мере отчасти, обязан был своим нынешним положением. Капитан, возможно, был гардемарином под командованием Трукстана, когда он взял «Возмездие» и был отправлен на борт захваченного французского фрегата вместе с командиром призового судна, лейтенант принимал участие в различных атаках на Триполи и руководил своими людьми в отчаянных рукопашных схватках, в которых сабля янки оказалась сильнее турецких и мав-

ританских ятаганов. Почти каждый старший офицер спасся от опасностей битвы или шторма благодаря своей доблести или навыкам, своим званием он был обязан тому факту, что оказался его достоин. Предоставленный сам себе, он научился полагаться на собственные силы, он был первоклассным практичным моряком и гордился тем, как управляется его судно. Достигнув своего звания упорным трудом и зная, что такое настоящее сражение, он внимательно следил за тем, чтобы его люди были обучены *основам* дисциплины и знали, как обращаться с ружьями в бою, а также полировать их в мирное время. Больше, чем любой из его соотечественников, он поклонялся американскому флагу и, выросший во флоте, считал его честь своей собственной. Возможно, только флот считал себя достойным противником Великобритании, корабль против корабля. Остальная часть нации связывала свою веру с армией или, вернее, с самой слабой из слабых надежд – ополчением. Офицеры военно-морского флота с их сильным духом боевого товарищества, с их ревностным отношением к собственному званию и заслугам и испытав на собственном опыте, что британские корабли ходят не быстрее и управляются не лучше, чем их собственные, не имели никакого желания уклоняться от схватки с любым противником, и, испытав свою храбрость в деле, они сделали ее вдвойне грозной благодаря хладнокровному и осторожному мастерству. Даже молодые люди, никогда не участвовавшие в боевых действиях, были так хорошо обучены испытанны-

ми ветеранами, что нехватка опыта явно не ощущалась.

Матросы, составлявшие экипажи наших кораблей, были вполне достойны своих командиров. В мире не было лучшего моряка, чем американский матрос, он был приучен к своей работе с младенчества и оказывался на рыбацкой лодке почти сразу, как только научился ходить. Став старше, он плыл на торговом или китобойном судне, а в те военные времена, когда наш большой торговый флот был вынужден в значительной степени полагаться на себя в плане защиты, каждое судно должно было хорошо управляться, все, кто не годился, вскоре были отсеяны в процессе естественного отбора, орудиями которого были французские, испанские и малайские пираты. Это была суровая школа, но она научила американского матроса быть искусным и уверенным в себе, и он был лучше приспособлен стать моряком военного корабля, потому что знал больше об огнестрельном оружии, чем большинство его сотоварищей в чужих землях. Дома он умело орудовал своим тяжелым ружьем против стай парусиновых нырков в тростниковых равнинах Чесапика или лысух в бурной воде у скал Новой Англии, а когда он отправлялся в морской поход, были даже шансы, что до его возвращения дело дойдет до дальнобойных орудий, потому что моряку американского торгового флота не приходилось рассчитывать на какой-либо вооруженный эскорт.

Удивительная эффективность наших моряков в то время, о котором я пишу, а также много времени спустя после него

была в значительной степени обязана любопытному положению вещей в Европе. В течение тридцати лет все европейские нации находились в состоянии непрерывных и очень сложных войн, в ходе которых каждая нация по очереди сражалась почти со всеми другими, причем Англия обыкновенно находилась в ссоре со всеми. Одним из следствий этого было то, что огромная часть мировой торговли грузоперевозками осуществлялась американскими судами. Старый город Салем в Массачусетсе был тогда одним из главных складов торговли с Ост-Индией, балтиморские клиперы доставляли товары во французские и немецкие порты, не обращая внимания на блокаду, Нью-Бедфорд и Саг-Харбор снаряжали китобоев для арктических морей, а также для южной части Тихого океана, богатые купцы Филадельфии и Нью-Йорка отправляли свои корабли во все концы света, и в каждом маленьком порту было какое-нибудь судно для каботажной торговли. На побережье Новой Англии лишь немногие мальчики достигли зрелого возраста, не совершив хотя бы одно плавание на отмели Ньюфаундленда за треской, а в китобойных поселках Лонг-Айленда бытовала старая поговорка, что мужчина не может жениться, пока не убьет своего кита. Богатые купцы больших городов часто отправляли сыновей в плавание или два, прежде чем позволить им войти в свои конторы. Так случилось, что большая часть нашего населения занималась мореплаванием, природа которого сильно способствовала развитию решительного и вынос-

ливого характера у людей, которые избирали его своей профессией. Британские торговые суда шли огромными конвоями под охраной военных кораблей, в то время как, как уже говорилось, наши суда ходили поодиночке и полагались на собственную защиту. Если рыбацкое судно отправлялось в Бэнкс, экипаж знал, что у него есть шанс нарваться на какого-нибудь не слишком щепетильного новошотландского капера. Барки, которые плыли из Салема на Острова пряностей, держали своих людей хорошо обученными как обращению с большими пушками, так и стрельбе из мушкетов, чтобы иметь возможность отбиваться как от малайских проа, так и от китайских джонок. Нью-йоркские суда, загруженные для Вест-Индии, были готовы к битве с пиратами, которые кишели в море «испанского материка», в то время как быстрые корабли из Балтимора могли сражаться так же хорошо, как и лететь под парусом. Куда бы ни шел американский моряк, ему не только приходилось сталкиваться со всеми законными опасностями моря, но и почти к каждому незнакомцу он относился как к врагу. Называл ли этот враг себя пиратом или капером, не имело большого значения. Французы, испанцы, алжирцы, малайцы – от всех одинаково страдала наша торговля, и против всех наши купцы вынуждены были защищаться. Следствием такого положения вещей, которое сделало торговлю настолько прибыльной, что самые смелые люди едва могли оставаться от нее в стороне, и настолько опасной, что преуспеть в ней могли только самые искусные

и смелые, было создание столь же прекрасного сообщества моряков, которым когда-либо был укомплектован флот. Суровая школа, в которой воспитывался американец, приучила его к независимому мышлению и действиям, на которые был неспособен более защищенный британец. Он работал разумнее и менее рутинно, одновременно всецело послушный и подчиняющийся дисциплине, все же был в состоянии сам сделать выбор в чрезвычайной ситуации. Им было легче управлять, чем большинством ему подобных, – он был проницательным, спокойным и, в сущности, скорее нравственным, чем каким-либо иным; если он был жителем Новой Англии, то, уйдя на пенсию от морской жизни, он вполне мог окончить свои дни в качестве дьякона. В общем, для боевой команды не могло быть лучшего материала, чем крутой суровый американец Джек. Кроме того, с самого начала существовало достаточное ядро ветеранов, вполне подходящих для службы на более ответственных должностях, таких как командиры артиллерийских орудий и т. д. Это были люди, которые плыли на маленьком «Энтерпрайзе» вслед за французскими каперами, участвовали в двух победных боях на «Констеллейшн» или, возможно, следовали за Декейтером, когда он, имея всего восемьдесят человек, уничтожил «Филадельфию», укомплектованную в пять раз превосходящими его силами и окруженную вражескими батареями и военными кораблями, – одна из самых смелых экспедиций такого рода в истории.

Кроме того, в этой связи следует отметить, что по странному стечению обстоятельств Великобритания, чья система давления на американских моряков была одной из главных причин войны, сама стала, вследствие этой самой системы, своего рода питомником для моряков молодого республиканского флота. Американский моряк ничего не боялся, кроме того, что его мобилизует на службу британский корабль, – он безмерно боялся тяжелой жизни и жестокой дисциплины на его борту, но, оказавшись там, он обычно преуспевал и со временем часто полностью вливался в команду. За период до 1812 года число этих мобилизованных моряков в действительности было больше, чем все число служивших в американском военно-морском флоте, из чего легко понять, что они составляли хороший резерв, на который можно было опереться. К их чести, они никогда не теряли своей преданности стране своего рождения: в начале войны более двух тысяч из них были заключены в тюрьму за то, что отказались служить против своей страны. Когда коммодор Декейтер захватил «Македонского», этот офицер, как мы узнаем из «Морской биографии» Маршалла (т. II, с. 1019), заявил, что большинство моряков его собственного фрегата «Соединенные Штаты» служили на британских военных кораблях и что некоторые были с лордом Нельсоном на «Виктории» и даже служили непосредственно под началом великого адмирала – довольно верное доказательство того, что

американские моряки не хуже других[14].

Хороший моряк, каким оказался мобилизованный американец, тем не менее редко упускал возможность уйти с британской службы дезертирством или каким-либо иным способом. Во-первых, жизнь на корабле была очень тяжелой, а во-вторых, американский моряк был очень патриотичен. Он искренне и глубоко любил свой собственный флаг, в то время как, напротив, чувствовал необычайно сильную ненависть к Англии, а не к англичанам. Эта ненависть была отчасти абстрактным чувством, питаемым смутным традиционным уважением к Банкер-Хиллу, а отчасти чем-то очень реальным и живым из-за травм, полученных им и ему подобными. Жил ли этот человек в Мэриленде или в Массачусетсе, он определенно знал людей, чьи корабли были захваче-

---

[14] С полной серьезностью Джеймс и его последователи считают, что слова Декейтера эквивалентны заявлению о том, что на его борту были в основном британские моряки, в то время как даже в передаче Маршалла Декейтер просто сказал, что «его моряки служили на борту британского военного корабля», а некоторые «служили под командованием лорда Нельсона». Как и в случае с «Конституцией», «Соединенные Штаты» перед отплытием избавились от большинства британских подданных на борту. Замечание Декейтера просто относилось к количеству его американских моряков, которые были насильственно завербованы на борт британских кораблей. Всякий раз, когда Джеймс говорит, что на борту американского корабля была большая часть британских моряков, объяснение состоит в том, что большая часть экипажа была американцами, которых мобилизовали на британские корабли. Было бы не более абсурдно заявлять о Трафальгаре как об американской победе из-за того, что во флоте Нельсона было определенное количество американцев, чем утверждать, что американцы победили в 1812 году потому, что на борту их кораблей было несколько британских ренегатов.

ны британскими крейсерами, их товары были конфискованы, а суда арестованы. Некоторые из его друзей стали жертвами гнусного права обыска, и впоследствии о них не было никаких вестей. Много вреда было причинено его другу, достоянию или знакомому, и он надеялся в один прекрасный день рассчитаться за все, и, когда война все-таки разразилась, он сражался тем лучше, зная, что это был его конфликт. Но как я уже сказал, эта ненависть была направлена против Англии, а не против англичан. Тогда, как и теперь, матросы были рассеяны по всему свету, невзирая на национальность, и в результате смешение местных и иностранцев в каждом торговом флоте было особенно велико в Британии и Америке, чьи народы говорили на одном языке и выглядели одинаково. Когда случай заносил американца в Ливерпуль или Лондон, он был вполне готов взойти на борт торгового судна Ост-Индской компании или китобоя, мало заботясь о том, что служит под британским флагом, а оказывавшийся в Нью-Йорке или Филадельфии британец, в свою очередь, охотно нанимался на один из клиперов, невзирая на звезды и полосы стяга на мачте. Капитан Портер, произведя такое опустошение среди британских китобоев в Южных морях, обнаружил, что немалая часть их экипажей состояла из американцев, часть которых записались на борт его собственного судна, а среди экипажей американских китобоев было много англичан. На самом деле, хотя шкипер каждого корабля мог громко хвастаться своей национальностью, в практической

жизни он достаточно хорошо знал, что разница между янки и британцем невелика[15]. Оба были смелыми и выносливыми, хладнокровными и умными, ловкими и показывали себя с лучшей стороны в чрезвычайной ситуации. Они выглядели одинаково и говорили одинаково, когда они брали на себя труд подумать, они думали одинаково, а когда напивались, что случалось нередко, то ссорились одинаково.

С ними смешались несколько моряков других национальностей. Ирландец, если он происходил из старых датско-ирландских городов Уотерфорд, Дублин и Уэксфорд или с побережья Ольстера, очень походил на двух главных бойцов, кельто-туранский мужик с запада не часто появлялся на бор-

---

[15] Разница была в пользу американца. В отношении мужества никакой разницы не было. «Эссекс» и «Лоуренс», а также «Фролик» и «Рейндир» защищались с той же упрямой, отчаянной и хладнокровной храбростью, которая характерна для английской расы по обе стороны Атлантики. Но американец был свободным гражданином, равным любому, избирателем, лично заинтересованным в благополучии своей страны и, прежде всего, не имеющим постоянно перед глазами унизительного страха перед принудительной вербовкой. В результате он был более сговорчивым, чем англичанин, более самостоятельным и обладал большим здравым смыслом. В бою «Уоспа» и «Фролика» экипаж последнего, по-видимому, был хорошо обучен обращению с орудиями, поскольку они хорошо целились, но выстрелили не вовремя и так и не исправили ошибку, в то время как их антагонисты, производя бортовые залпы гораздо медленнее, разумно выжидая подходящего момента, нанесли ужасный ущерб. Но хотя между моряками двух народов и существовала определенная небольшая разница, никогда нельзя забывать, что она была гораздо меньше, чем разница между различными людьми одной и той же нации, и, когда британцев в течение нескольких лет обучали такие командиры, как Брок и Мэннерс, превзойти их было невозможно и, чтобы сравняться с ними, нужны были наши лучшие люди.

ту корабля. Французы, датчане и голландцы были зажаты дома, у них было достаточно дел на собственном побережье, и они не могли посылать людей в чужие флоты. Однако пришли несколько норвежцев, и из них получились отличные моряки и бойцы. С португальцами и итальянцами, из которых одни служили под британским флагом, а другие под звездами и полосами, все вышло иначе, хотя было много прекрасных исключений, они, как правило, не были лучшими моряками. Они были вероломны, любили нож, не так ловки и в трудном положении скорее теряли либо здравомыслие, либо храбрость.

В американском военном флоте, в отличие от британского, не существовало принудительной вербовки, моряк был добровольцем и отправлялся на любом судне, которое выбирало его воображение. На протяжении всей войны с американской стороны не было «отборных экипажей»[16], за исключением двух последних плаваний «Конституции». На самом деле (как видно из письма капитанов Стюарта и Бейнбриджа секретарю Гамильтону) часто было очень трудно набрать до-

---

[16] Заявления Джеймса об обратном во всех случаях совершенно безосновательны. Не прав он и в своем утверждении, что на американских кораблях не было юнг: их было почти столько же, сколько у британцев. На «Конституции» – 31, на «Адамсе» 15 и т. д. Итак, когда он заявляет, что наши гардемарины обычно были капитанами и помощниками капитанов торговых судов, в начале войны им обычно было от одиннадцати до семнадцати лет, и, кроме того, они редко или никогда не были в торговом флоте.

статочное количество людей[17].

Многие моряки предпочитали служить на бесчисленных каперах, и два вышеупомянутых офицера, настаивая на необходимости строительства линейных кораблей, заявляют, что набирать людей для кораблей низшего ранга было тяжелой работой, пока у противника были линейные корабли.

Одно из стандартных утверждений британских историков об этой войне состоит в том, что наши корабли были в основном или большей частью укомплектованы британскими моряками. Даже если это было бы правдой, это не помешало усвоить уроки, которые она преподает, но это неправда.

В этом, как и во всем остальном, все современные авторы просто следовали за Джеймсом или Брентоном, и поэтому я ограничусь рассмотрением их утверждений. Первый начинает («История», т. IV, с. 470) с застенчивого заявления

---

[17] При чтении томов официальных писем об этой войне, которые хранятся в канцелярии морского министра, едва ли не самое заметное – постоянные жалобы на трудности с поиском людей. «Адамс» когда-то имел экипаж всего из 19 человек, «четырнадцать из которых – морские пехотинцы», – добавляет расстроенный командир. В вахтенном журнале одной из канонерских лодок записан тот факт, что после долгих усилий были завербованы два человека – из тюрьмы, с припиской о том, что они оба были сильно пьяны. Британские корабли было гораздо легче укомплектовать, поскольку они всегда могли прибегнуть к насильственной вербовке.«Конституция» в начале своего последнего плавания имела на борту необычайное количество опытных моряков, а именно 218 человек, из них всего 92 простых моряка, 12 юнг и 44 морских пехотинца, что вместе с офицерами составляет в общей сложности 440 человек. (См. письмо капитана Бейнбриджа от 16 октября 1814 года, это письмо № 51 в сороковом томе «Капитанских писем» в канцелярии морского министра.)

о «сходстве» языка жителей двух стран – интересное филологическое открытие, которое лишь немногие попытаются опровергнуть. В томе IV, с. 154, он упоминает, что в списке ВМС США в столбце «Где родился» есть несколько пробелов, и в доказательство того, что эти пробелы существуют потому, что мужчины не были американцами, он говорит, что их имена «сплошь английские и ирландские»[18]. Разумеется, они именно таковы, как и все остальные имена в списке. Иначе и быть не могло, поскольку военно-морской флот Соединенных Штатов состоял не из индейцев. При просмотре того же списка военно-морского флота (1816 года) можно увидеть, что лишь немногим более 5 процентов офицеров родились за границей – гораздо меньшая доля, чем могла бы существовать среди населения страны в целом, – и большинство из них приехали в Америку в возрасте до десяти лет. На с. 155 Джеймс добавляет, что британские моряки составляли «треть по количеству и половину по эффективности» амери-

---

[18] Например, Джеймс пишет: «Из 32 капитанов только один, Томас Тинги, пометил Англию как место своего рождения… Встречаются три пробела, и мы считаем, что это делает честь капитанам Джону Шоу, Дэниелу С. Паттерсону и Джону Орду Крейтону, что они стыдились сказать, где они родились». Мне не удалось выяснить место рождения последнего, но капитан Шоу родился в Нью-Йорке, и я видел, как капитан Паттерсон случайно упомянут как «родившийся и выросший в Америке». Вообще, всякий раз, когда мне удавалось заполнить пропуски в графе «Где родился», я обнаруживал, что это было в Америке. Из этих фактов может показаться, что Джеймс несколько поторопился с выводом о том, что пропуск в графе о месте рождения доказывает, что имярек был уроженцем Великобритании.

канских экипажей. Брентон в своей «Морской истории» пишет: «Говорили, и у меня нет оснований сомневаться в том, что на борту „Конституции“ было 200 британских моряков». Эти заявления являются простыми утверждениями, не подкрепленными доказательствами и настолько расплывчатого характера, что их трудно опровергнуть. Поскольку наш флот был небольшим, возможно, было бы лучше захватить каждый корабль по очереди. Единственными, о ком англичане могли свидетельствовать авторитетно, были, разумеется, те, которые они захватили. Первым был взят «Уосп». Джеймс говорит, что в его команде было обнаружено много британцев, в качестве примера приводится один моряк по имени Джек Лэнг. К слову, Джек Лэнг родился в городке Брансуик, штат Нью-Джерси, но был насильственно завербован и вынужден служить в британском флоте. То же самое, несомненно, относилось и к остальным «многим британским» морякам команды, во всяком случае, поскольку единственный упомянутый Джеймсом (Джек Лэнг) был американцем, ему вряд ли можно доверять в отношении тех, кого он не назвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.